

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

С. Н. Темушев

ДАНЬ В МИНИАТЮРАХ РАДЗИВИЛОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ

Миниатюры древнерусских летописей давно попали в поле зрения исследователей и имеют солидную историографию¹. И хотя монографических работ, предметом которых стало бы специальное источниковедческое рассмотрение летописных миниатюр, появилось немного, данный вид источников с той или иной степенью полноты учитывается во многих работах, посвященных тому или иному аспекту истории Древней Руси, прежде всего развитию древнерусского искусства.

Летописные миниатюры, справедливо названные в свое время А. В. Арциховским «окнами, сквозь которые можно смотреть на исчезнувший мир древней Руси» [Арциховский, с. 4], были подвергнуты обстоятельной внешней и внутренней критике. И если в историографии XIX — начала XX в. господствовало мнение о небольшом значении для изучения восточнославянской истории древнерусских книжных миниатюр, которые в большинстве были «рабски скопированы» с какого-то немецкого оригинала [Сизов, с. 8], то в XX в. отношение к миниатюрам меняется. Важнейший вывод исследователей советского периода состоял в том, что изображения различных событий древнерусской истории в миниатюрах Радзивиловской летописи точно соответствуют археологическим материалам X—XII в. [Рыбаков, 1984, с. 189]. «Реабилитация» древнерусских миниатюр выразилась в более пристальном внимании к ним исследователей истории Древней Руси. Начиная с работы А. В. Арциховского, было убедительно продемонстрировано, что произведения древнерусских изографов могут быть успешно использованы при изучении как общественно-политического и социально-экономического развития средневековой Руси в целом, так и для реконструкции отдельных событий древнерусской истории в частности. Позднее О. Н. Подобедова пришла к обоснованному выводу, что, наряду с выяснением эволюции социально-исторических представлений и изучением материальной культуры, «миниатюры как таковые могут служить источником известий о конкретных исторических событиях» [Подобедова, 1961, с. 34]. Ряд работ советских историков сделал невозможным возвращение к старому мнению о заимствованном характере древнерусских миниатюр, более того, внимательное изучение этого вида исторического источника с необходимостью привело к выводу, что «знакомство миниатюристов с собственно феодальной западноевропейской культурой было достаточно отдаленным» [Чернецов, с. 283].

Некоторые затронутые А. В. Арциховским сюжеты получили дальнейшую разработку в трудах советских и современных исследователей. Тематика их работ, основанных на

¹ К началу XXI в. было издано более 700 работ о русской книжной миниатюре Средневековья [Черный, с. 6].

анализе данных древнерусских книжных миниатюр, довольно разнообразна: изображение музыкальных инструментов (М. Г. Рабинович, Н. Н. Розов) и знамен (М. Г. Рабинович), сельскохозяйственных орудий (А. Д. Горский), купцов (А. Л. Хорошкевич), «санитарного быта и народного врачевания» (Н. А. Богоявленский), доспехов и оружия (А. Н. Кирпичников), животных (Я. С. Лурье, О. В. Белова, А. В. Чернецов, В. П. Данильченко, А. П. Толочко), различных исторических персонажей (Н. Н. Розов, А. В. Чернецов, Ю. А. Грибов), проявлений смеховой культуры (С. В. Сазонов), архитектуры (М. И. Мильчик, Т. Д. Панова, Н. Ю. Маркина, О. Г. Ульянова, С. С. Подъяпольский). В поле зрения исследователей попало также отражение в книжных миниатюрах истории естественно-научных представлений (Р. А. Симонов, Л. М. Костюхина), язычества и суеверий (А. В. Чернецов) [Черный, с. 413–445]. Значительный интерес представляют работы, в которых древнерусские книжные изображения служат для изучения событий военной и политической истории (Б. А. Рыбаков [Рыбаков, 1976], Б. В. Сапунов [Сапунов], А. И. Рогов [Рогов]).

Тем не менее, для реконструкции политической истории Древней Руси книжные миниатюры используются значительно реже, чем при изучении материальной культуры. Между тем представляется, что миниатюры заключают в себе значительный информационный потенциал, раскрытый еще совершенно недостаточно. В этом отношении можно отметить удачную попытку белорусского исследователя А. В. Мартынюка рассмотреть образ правителей Великого княжества Литовского и особенности восприятия Золотой Орды в русском обществе на основе анализа миниатюр лицевого свода Ивана Грозного [Мартынюк, 2004; Мартынюк, 2009; Мартынюк, 2010]. Значительный информационный потенциал заложен в летописных миниатюрах и по проблеме функционирования налогово-даннической системы Древней Руси. В целом же мнение А. В. Арциховского, высказанное ученым более 70 лет назад, о том, что древнерусские миниатюры находятся вне поля зрения историков [Арциховский, с. 3], уже не соответствует действительности.

Из немногочисленных лицевых древнерусских рукописей, сохранившихся до наших дней, наибольшую ценность для реконструкции различных сторон истории русского Средневековья представляет Радзивилловская (Кенигсбергская) летопись. Филигранные на летописных листах позволяют довольно точно определить время составления данного памятника — это конец XV в. (после 1494 г.) [Лихачев, 1899, с. 455–456; Шахматов, с. 5]. Между тем остаются нерешенными вопросы о месте создания летописи², ее источниках и времени создания протографов миниатюр. Высказано предположение, что собственно Радзивилловская летопись является простой копией более ранних сводов (возможно, двух, отличающихся друг от друга характером миниатюр, или же одного лицевого свода 1206 г.) [Рыбаков, 1994, с. 280–281] или оригинальным произведением, созданным в результате творческой переработки нескольких иллюминированных летописей [Подобедова, 1965, с. 80–86]. Б. А. Рыбаков полагал, что Радзивилловская летопись была скопирована в конце XV в. с созданного «владимирскими сводчиками» в начале XIII в. летописного свода, в основу которого, в свою очередь, было положено 16 лицевых рукописей или их фрагментов [Рыбаков, 1994, с. 281]. Данный вывод подкрепляется наблюдением над отбором сюжетов для миниатюр: в них отсутствует единая система, проглядывают противоречивые тенденции, заметно неравномерное распределение материала [Рыбаков, 1984, с. 193]. Н. И. Милютенко доказала, что Владимирский свод, в основу которого была положена иллюстрированная летопись, завершенная в 1203 г. (под этим годом помещена последняя миниатюра, отражающая судьбу князя Рюрика Ростиславича), был

² Высказаны предположения, что это могли быть: Новгород [Сизов, с. 50], Смоленск [Рыбаков, 1994, с. 280–281], Владимир-Волынский [Никитин, с. 549–550; Толочко, 2005, с. 74; Толочко, 2014, с. 70], Кирилло-Белозерский монастырь [Кукушкина].

закончен в 1205 г. [Милютенко, с. 53]. В последнее время украинский историк А. П. Толочко обратил внимание на сходство некоторых миниатюр Радзивилловской летописи и так называемого Троицкого списка Хроники Георгия Амартола. В этой связи историк высказал предположение, что прототип Радзивилловской летописи и указанный список византийской хроники были изготовлены в одной скриптории, а именно: волынского князя Владимира Васильковича (вторая половина XIII в.). Предполагая, что миниатюры Радзивилловской летописи восходят к иллюстрациям Троицкого списка Хроники Георгия Амартола, А. П. Толочко тем самым значительно отодвигает время создания протографа Радзивилловской летописи. Правда, в своих дальнейших рассуждениях историк приходит к гипотезе о возможном появлении на Руси иллюминированной греческой рукописи Амартола еще до середины XI в., когда с нее был сделан славянский перевод. Возможно, эта утраченная рукопись и дала начало древнерусским лицевым летописям XI или XII в. [Толочко, 2014, с. 67–81]. Однако найти убедительные доказательства этой гипотезе не представляется возможным. Как бы то ни было, наличие значительно более раннего лицевого протографа Радзивилловской летописи, отражающего реалии домонгольской Руси, исследователями не оспаривается.

После исследования М. И. Артамонова [Артамонов, с. 3–27] утвердилось мнение о создании миниатюр Радзивилловской летописи двумя художниками. Мнение В. И. Сизова о работе над иллюстрациями трех мастеров [Сизов, с. 46–47] не было поддержано. Комментаторы последнего на данный момент факсимильного издания Радзивилловской летописи исходят из представления о работе над миниатюрами четырех мастеров, три из них последовательно работали над разными частями рукописи, в то время как четвертый мастер отвечал за дополнительные точные детали — элементы архитектуры, одежды, оружия [Кукушкина, Белоброва, Амосов, Сергеева, с. 302–303]. В любом случае, вполне определенно прослеживается работа разных мастеров над миниатюрами хронологически более раннего и более позднего периодов. Манера исполнения ими миниатюр была различной: если для первого мастера (выполнил почти все миниатюры до Л. 194) [Чернецов, с. 275] характерны архаизм форм и композиции, использование некоторого количества шаблонных форм, то рисунки второго отличают размашистость, бойкость, живость передачи движения, «они производят впечатление небрежных набросков, однако более грамотно нарисованных и более реалистичных...» [Артамонов, с. 5–9]. При этом второй мастер (или, возможно, третий) нередко редактировал работу первого, даже заклеивал не в своем месте размещенные миниатюры, принадлежавшие первому мастеру, нанося поверх свои рисунки. Как бы то ни было, в своей ученической и архаичной манере первый художник в большей степени следовал раннему оригиналу [Чернецов, с. 275]. Для нас важно, что именно первым мастером-изографом выполнены миниатюры, иллюстрирующие функционирование налогово-даннической системы Древней Руси. Следовательно, данные миниатюры с большой долей вероятности строго повторяют изображения, присутствовавшие в летописном своде начала XIII в. (Владимирском лицевом своде 1212 г. [Рыбаков, 1994, с. 300] или Владимирском великокняжеском своде 1205 г. [Милютенко, с. 52–53]).

Миниатюры Радзивилловской летописи, в которых нашло отражение функционирование налогово-даннической системы Древней Руси (а это около двух десятков иллюстраций), не могли не быть замечены историками. И хотя до настоящего времени миниатюры по данному сюжету не стали предметом специального изучения, все же некоторые наблюдения были сделаны. Так, В. И. Сизовым, одним из первых ученых, осуществившим анализ информации книжных миниатюр, было обращено внимание на головные уборы и одежду персонажей, приносящих дань. Кроме того, историк выделил сцены выплаты слитками серебра, то есть гривнами [Сизов, с. 20–22, 25–26, 45]. Н. П. Кондаков, предполагавший заимствованный (из греческих оригиналов)

характер большинства миниатюр Радзивилловской летописи, все же отнес изображения с данью мехами (Л. 5) и «рублями-гривнами» (Л. 35 об.) к числу «характерно-русских» [Кондаков, с. 123]. В межвоенный период специальное исследование миниатюрам Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи посвятил М. И. Артамонов. Среди прочего советский историк предположил, что изображение на Л. 8 соответствовало испорченному тексту, вследствие чего на миниатюре, иллюстрирующей сбор дани по «беле веверице», появилось несколько женщин [Артамонов, с. 10]. В наиболее полном исследовании миниатюр, осуществленном А. В. Арциховским, были затронуты и сюжеты приношения налогов-дани. Ученый считал, что миниатюры данного содержания принадлежали первому мастеру (из двух), который наиболее точно копировал древние образцы. А. В. Арциховский отметил присутствующие в миниатюрах со сценами взимания дани гривны (Л. 46) [Арциховский, с. 13] и проанализировал значение элементов пейзажа на ряде из них [Там же, с. 14]. Значительную ценность представляет наблюдение историка об изображении приношения в качестве дани мехов даже в тех случаях, когда в тексте характер собираемой дани не упоминается. Таким образом, для позднейшего иллюстратора (или его предшественника, стоявшего ближе к иллюстрируемым событиям) подобный вид дани представлялся естественным [Там же, с. 25].

Значительное внимание уделит источниковедческим проблемам летописных миниатюр крупнейший советский специалист по русскому Средневековью Б. А. Рыбаков. Ученый принимает мнение О. И. Подобедовой о копировании на широкий формат листа Радзивилловской летописи миниатюр узкого формата, рассчитанных на ширину только одного столбца. Поэтому художник XV в. мог, по мнению ученого, механически соединить два различных рисунка в один [Подобедова, 1965, с. 55–62]. Правда, Б. А. Рыбаков учитывает вероятность «сдваивания» рисунков в связи со стремлением художника показать динамику развития одного события [Рыбаков, 1984, с. 190]. Однако применительно к миниатюрам, иллюстрирующим ранний этап складывания налогово-даннической системы Древней Руси, советский историк полностью разделяет мнение О. И. Подобедовой, указывая на искусственное и нелогичное соединение в миниатюрах о наложении дани на подчиненные Олегом племена (Л. 11 об.) нескольких сюжетов [Там же, с. 199]. Представляется, что в данном случае как раз имела место демонстрация развернутого во времени сюжета: покорения, признания власти и, как следствие этого, выплаты дани.

Таким образом, миниатюры, отражающие «данническую» тематику, хотя и отмечались исследователями, но не были выделены в особый комплекс и не получили сколько-нибудь обстоятельного анализа.

Цель данной работы заключается в определении возможностей расширения наших знаний о функционировании налогово-даннической системы Древней Руси домонгольского периода на основе изучения информации миниатюр Радзивилловской летописи. В некоторых случаях летописные миниатюры позволяют уточнить отдельные аспекты формирования и развития фискальной системы Древней Руси. Помимо этого, решаются задачи выяснения адекватности отражения в миниатюрах начального этапа складывания налогово-даннической системы Древнерусского государства, уточнения содержания выплачиваемой дани или собираемых налогов (что для определенного периода трудно разделить), а также выяснения характера взаимоотношений сторон, принимающей и приносящей налоги-дани.

Приступая к анализу миниатюр, сюжетно связанных с функционированием налогово-даннической системы Древней Руси, прежде всего необходимо отметить определенную статичность в отображении подобных взаимоотношений населения и власти на протяжении всего домонгольского периода, хотя, несомненно, налогово-данническая система претерпела определенную эволюцию. И речь идет не только об изменении содержания налогов-дани

или окладной единицы [Свердлов]. Важно, что меняется сам характер взаимоотношений. Так, со временем необязательным становится личное присутствие фигуры, олицетворяющей верховную власть, хотя дань (в том числе и в Новгородской боярской «республике») продолжает собираться на имя князя. Первоначально отношения приносящей и принимающей сторон могли рассматриваться как отношения равных (дар требует возмещения по принципу «do ut des»): выполняемая вождем общественно важная работа получала полное возмещение через дары, подношения [Темушев, 2007, с. 110]. Летописные же миниатюры представляют отношения принимающей и дающей сторон в стандартной форме господства и подчинения. На иллюстрациях непременно присутствует фигура, олицетворяющая власть (князь на столе-престоле), с характерным жестом принятия подношений (полусогнутые в локте руки; открытые ладони, обращенные вверх). Напротив в подобострастной и даже униженной позе стилизованно изображаются представители племени, народа, населения города, приносящие дань (дар, подати). Их спины склонены в знак покорности, руки полусогнуты (в жесте подаяния, отдачи чего-либо), в них может помещаться сама дань (чаще всего — меха).

Необходимо согласиться, что у средневековых мастеров-художников огромное многообразие сюжетов вылилось в создание стройной системы средств художественного выражения [Подобедова, 1961, с. 29]. Для комплекса миниатюр Радзивилловской летописи характерны «определенные композиционные условности и стереотипы в трактовке типологически схожих действий» [Пуцко, с. 49]. К их числу необходимо отнести и сцены со сбором налогов-дани. Жесты, позы, силуэты фигур на миниатюрах, недвусмысленно должны были указать на правильное понимание изображенного сюжета, даже независимо от содержания присутствующего тут же летописного текста. Миниатюры, иллюстрирующие «налогово-даннический» сюжет, являются прекрасным образцом шаблонной передачи состояния господства и покорности. В этом отношении весьма показательным сравнением миниатюр на Л. 8 («Имаху варязи дань») и на Л. 27 (низ). Вторая миниатюра относится к событиям 945 г. и на первый взгляд может показаться, что левая ее часть демонстрирует приношение дани древлянами (Игорь «возма дань, и поиде в град свои»)³. Однако позы находящихся напротив шаблонного изображения князя на столе фигур не демонстрируют покорность данников: их спины выпрямлены (хотя фигуры немного наклоненные), руки не сложены в жесты приношения. В данном случае мы обнаруживаем иллюстрацию иных отношений, а именно: князя с его людьми («мужами»).

Начальный этап складывания налогово-даннической системы Древней Руси иллюстрируют три миниатюры (Л. 8 и две на Л. 11 об.). Чрезвычайный интерес представляет миниатюра на Л. 8. Под 859 г. в летописи содержится сообщение о разделе территории расселения славян в Восточной Европе между варягами и хазарами: «Имаху дань варязи из заморья в чюди, на словенех, на мерях и на всех кривичех. А козаре имаху на полах, и на севере, и на вятичех, имаху по беле и девеци от дыма»⁴. Иллюстрирующая эту ситуацию миниатюра состоит из двух частей. С правой стороны от рисунка помещена подпись: «Имаху варязи дань». В данном случае имеет место не отражение динамики иллюстрируемых событий, а стремление художника отразить ситуацию во всей полноте — здесь показана и дань варягам, и дань хазарам. Как представляется, подпись к рисунку относится ко всей миниатюре, а не к правой ее части. С правой стороны показано приношение дани хазарам, а с левой — варягам. Отметим ценное наблюдение Д. С. Лихачева о том, что миниатюры необходимо «читать» в том же направлении, что и текст: «временная последовательность в миниатюре, если она охватывает несколько событий, также слева направо, то есть более ранние события изображаются слева, более поздние — справа» [Лихачев, 1979, с. 33]. На предложенное распределение двух частей миниатюры наталкивает также архитектура

³ ПСРЛ. Л., 1989. Т. XXXVIII. С. 28.

⁴ Там же. С. 16.

(аналогичная каменная крепость присутствует и на других рисунках, изображающих хазарскую власть, см., например, Л. 7 об., верх) и наличие четырех фигур, приносящих дань (они олицетворяют четыре «племени» — словене, кривичи, чудь, меря). Между тем никаких иных признаков, которые позволили бы однозначно отнести крайнюю правую или левую фигуры к хазарам или варягам, на рассматриваемой миниатюре нет, хотя в распоряжении художника такие средства имелись. Так, на рисунке на Л. 7 об. хазарский правитель изображен в коротком платье, на рисунке с Л. 34 (верх) хазарин в головном уборе с заостренным (а не закругленным, как у русских князей) верхом. Это предельно схематичная иллюстрация, призванная показать данническую покорность.

По мнению же М. И. Артамонова, на левой части миниатюры с Л. 8 показан данник с беличьей шкуркой и несколькими девицами, стоящими перед хазарским каганом. Решая проблему соотношения данного изображения с текстом, ученый (опровергая мнение А. А. Шахматова [Шахматов, с. 30]) указывает, что «содержание миниатюры приспособлено к испорченному тексту, а не текст испорчен вследствие влияния миниатюры» [Артамонов, с. 10]. Этот вывод поддержал и Д. С. Лихачев, предположивший, что описка «деведи» вместо «веверици» имела уже в тексте оригинала Радзивиловского списка (начала XIII в.) [Лихачев, 2001, с. 428].

Представляется все же, что именно рисунок повлиял на изменение текста составителем летописного свода конца XV в. Для летописца конца Позднего Средневековья выражение «имаху по белеи веверице от дыма»⁵ было уже непонятным и, сообразуясь с изображением протографа, он его переосмыслил. Слово «бела» («белка») было обычным для обозначения мелкого пушного зверька и его меха в XV в. (по письменным источникам известно с XII в.) [Словарь, с. 130, 133–134], слово «веверица» же, если и не выпало из лексикона русского населения Северо-Восточной Руси ко времени образования Российского государства [Срезневский, стб. 477], то превратилось в архаизм⁶. Но в любом случае, в понимании книжника конца XV в. в одной фразе не могло присутствовать два синонимичных понятия (белка, бела и веверица). В этом отношении показательно уточнение, сделанное в позднейшей Никоновской летописи (в недатированной части): «О Варязехъ. Имаху дань Варязи, приходящее изъ заморіа, на Словенехъ, рекше на Новгородцехъ, и на Мещерехъ, и на Кривичехъ отъ мужа по беле и веверици. О Казарехъ. А Казари имаху дань на Полянехъ, и на Северянехъ, и на Вятчахъ **по беле, рекше по векше, съ дыма**»⁷. Составитель же Радзивиловского свода оказался менее эрудированным и непонятую фразу переосмыслил в соответствии с визуальным образом. Ни в одном другом списке Повести временных лет подобное прочтение («по беле и деведи») не встречается [Каштанов].

Между тем ничто не указывает на то, что в левой части миниатюры на Л. 8 помещен хазарский каган, так же как и нет уверенности в изображении напротив этой фигуры данника именно с «девицами». Безбородые и безусые лица вовсе не являются свидетельством принадлежности данных персонажей к женскому полу. С лицами без растительности на лице в Радзивиловской летописи изображались молодые мужчины (ср. Л. 11 об., 42 об., 46 об. — последняя миниатюра особенно показательна, тут юноши участвуют в жребии; Л. 67 об. — безбородые мужчины «рубят» город), представители младшей дружины (на множестве изображений, ср., например, Л. 67; на профессиональный статус указывают доспехи или наличие меча), младшие по статусу персонажи

⁵ ПСРЛ. М., 2001. Т. I. Стб. 19. В Ипатьевском списке: «имаху по беле и веверици тако от дыма» (ПСРЛ. М., 2001. Т. II. Стб. 14). В интерпретации издателя Повести временных лет: «по беле и веверице от дыма» (ПВЛ. СПб., 1996. С. 12). В позднейших работах Д. С. Лихачев признал правильным написание «по белей веверице», предполагая сбор дани шкурками зимней, белой белки [Лихачев, 2001, с. 157].

⁶ Так определение-прилагательное «белая», означавшее зимнего, белого зверька (зимний мех, как более прочный, больше ценился), довольно рано вытеснило существительное «веверица» и само приняло суффикс существительного — «белка» [Лихачев, 2001, с. 157].

⁷ ПСРЛ. М., 2000. Т. IX. С. 8.

(на Л. 9 — Аскольд и Дир перед Рюриком) и, на что следует прежде всего обратить внимание, — представители иноэтничных (неславянских) племен. Так, на тематически близком и недалеко расположенном от рассматриваемой миниатюры рисунке на Л. 5, несомненно принадлежавшем тому же художнику, мы обнаруживаем представителей различных народов («языцев»), которые дают дань Руси, среди них — фигуру молодого человека, чрезвычайно напоминающего мнимую «девицу» с Л. 8. Не вызывает сомнений, что и на левой части миниатюры на Л. 8 изображены представители четырех «племен» — словен, кривичей, чуди и мери, приносящих дань варягам.

В формировании налогово-даннической системы Древней Руси обнаруживаются два пути — внутренний (трансформация добровольных приношений, дара) и внешний (завоевание) [Темушев, 2012а]. В поле зрения летописца, а также художника-миниатюриста попадал главным образом второй путь возникновения даннического подчинения населения — это наиболее яркий и очевидный для менталитета человека Средневековья способ добиться обязательства регулярных выплат.

На основе изучения миниатюр Лицевого летописного свода XVI в. А. В. Мартынюк сделал вывод, что его отличительной особенностью является развитая символика в изображениях форм организации власти [Мартынюк, 2004, с. 64]. Этот вывод в полной мере справедлив и для иллюстраций Радзивилловского свода. В свое время и А. В. Арциховский отметил последовательное соблюдение строгого отношения к властной («феодальной») иерархии, к статусу и знакам достоинства представителей власти различных уровней [Арциховский, с. 28—30]. Применительно к Лицевому летописному своду О. И. Подобедова отмечала, что миниатюры показывают «на основе каких прав («по отчине и дедине»), на основании какой документации («ханский ярлык») и с поддержкой каких слоев населения (бояре, воины) сел на престол великий князь владимирский или московский» [Подобедова, 1965, с. 319]. Данные наблюдения представляют значительную ценность и при анализе отражения в миниатюрах становления налогово-даннической системы. Как составитель летописи в тексте, так и художник через миниатюры намеренно акцентируют внимание на обстоятельствах и причинах возникновения даннической зависимости. В качестве таковых во всех случаях называется (в том числе и изобразительными средствами) завоевание.

Возложение дани (со временем трансформирующейся в регулярные выплаты — налоги) в результате завоевания иллюстрируют семь миниатюр, шесть из них относятся к начальному этапу становления налогово-даннической системы Древней Руси (Л. 8, две на Л. 11 об., Л. 20 об., 34 об., 46), а одна показывает наложение внешних обязательств в форме выплаты дани-контрибуции (Л. 164). Данные миниатюры почти шаблонно передают ситуацию подчинения: во всех случаях князь сидит на престоле, принимая приношения от представителей разных «племен». Но есть и отличия, которые рассмотрим ниже. Наиболее общая миниатюра (Л. 8), показывающая выплату дани (по «белеи веверице»)⁸ славянскими и финскими племенами Восточной Европы внешним завоевателям, уже была рассмотрена. Добавим, что как на этой, так и на других миниатюрах указанием на факт завоевания служит меч, придерживаемый князем у левого бедра. Непосредственно начальный этап складывания налогово-даннической системы Древнерусского государства нашел отражение в двух миниатюрах, относящихся к первым годам правления Олега в Киеве. Если верить летописи, на следующий год после захвата Киева Олег «поча воевати» на «деревляны», «и примучивъ а, и имаше на них дань по черне куне»⁹. В 884 г. Олег «победи северяны» и «възложи на нь легку, не даи имъ козаром дани платити»¹⁰. Иллюстрирующие эти события миниатюры (Л. 11 об.), несмотря на ту же шаблонность, несколько отличаются друг от друга. Так, миниатюра, расположенная на Л. 11 об. сверху, состоит из двух частей. Композиция

⁸ ПСРЛ. Т. I. Стб. 19.

⁹ ПСРЛ. Т. XXXVIII. С. 17.

¹⁰ Там же. С. 18.

слева содержит фигуру князя на столе, к которому обращается группа правителей (на их статус указывают шапки с меховой оторочкой), справа к князю обращаются двое без головных уборов, в качестве дани предлагается горшочек. На расположенной ниже миниатюре к князю, изображенному в шаблонной позе с жестом благосклонного принятия приношений (полусогнутые в локте руки), обращены три фигуры, размещенные на некотором равном расстоянии слева направо. В руках двух ближайших к князю фигур находятся дары («горшочек» и «короб»). По предположению Б. А. Рыбакова, в данном случае мы сталкиваемся с ошибочным объединением двух тематически различных миниатюр двухколонного оригинала в широкоформатной копии. Левая половина миниатюры не соотносится с окружающим ее текстом, поскольку изображает трех князей в княжеских шапках, подносящих сидящему на «стольце» Олегу меч. Расположенная на том же листе ниже миниатюра показывает, как «простые древляне и радимичи несут новому киевскому князю горшочки с медом и коробки». Место этой миниатюры, считал Б. А. Рыбаков, — перед расположенными выше рисунками [Рыбаков, 1984, с. 198–199]. Представляется, что такое понимание содержания миниатюр ошибочно. Нет никаких сомнений, что помещенная ниже на Л. 11 об. миниатюра иллюстрирует приношение радимичами «легкой дани». Верхняя же миниатюра, состоящая из двух частей, дает развернутый сюжет: сначала правители древлян изъявляют покорность князю Олегу, а затем представители этого племени приносят дань. Возможно, в данном случае миниатюра дополняет информацию летописи, указывая на мирное подчинение древлян киевскому князю. На такую интерпретацию содержания рассмотренных миниатюр наталкивают и последующие изображения с покорением Киевом соседних племен. Не исключено, что иллюстратору летописи могли быть известны другие версии события, нежели те, что были изложены в тексте [Лихачев, 2001, с. 426–427].

Аналогичный сюжет и посредством такого же приема (двухчастной композиции) показан на миниатюре Л. 20 об. Но в данном случае акцент сделан на военных действиях киевского князя, которые приводят к возобновлению выплаты дани древлянами (на правой половине миниатюры князь с занесенным мечом во главе дружины нападает на город). При этом повторное завоевание (значит, был отказ от соблюдения прежнего обязательства) приводит к осложнению налогово-даннических обязательств. Так, согласно сообщению летописи, в 914 г. «иде Игорь на деревляны, и победивъ а, и возложи на нь дань болши Олеговы»¹¹.

Особого рассмотрения требует миниатюра на Л. 34, правая половина которой, по мнению А. В. Арциховского, изображает первую встречу вятичей с князем Святославом [Арциховский, с. 15]. Рассматривая содержание данного изображения, ученый делает интересное наблюдение, связанное с последовательным (выявлено 4 случая) соединением вятичей с изображением леса (в виде нескольких зеленых и красных деревьев, а в случае с миниатюрой на Л. 34 — зеленого, обведенного волнистой чертой, фона за фигурами представителей племени вятичей). Поскольку в сопровождающем тексте упоминаний о лесе нет, то с необходимостью следует предположить, что оригиналы данных рисунков были созданы в те времена, когда земля вятичей ассоциировалась с большими лесными пространствами [Арциховский, с. 14–15]. Однако общая интерпретация А. В. Арциховским миниатюры на Л. 34 представляется ошибочной. Прежде всего обращает на себя внимание разное изображение правителя на престоле («стольце») — это должен быть Святослав Игоревич — в правой и левой частях миниатюры. Хотя тематически эти два рисунка между собой не связаны (на левом князь отправляет своих людей «ко странам» с посланием: «Хоцю на вы ити»)¹², но их должен объединять герой повествования — киевский князь Святослав. Чаще всего князь Святослав изображается на миниатюрах в коротком платье: таков он на миниатюре на Л. 31 (в юности) и на Л. 37, 38 об. (в зрелом возрасте). Так же

¹¹ Там же. С. 24.

¹² Там же. С. 33.

и на миниатюре Л. 34 слева помещен Святослав. А на рисунке справа продемонстрировано приношение дани вятичами хазарскому кагану.

Сюжет с подчинением вятичей продолжает миниатюра на Л. 34 об. Ее сопровождает лаконичная запись под 966 г.: «Победи Святославъ вятичи и дань на них възложи»¹³. В целом изображение шаблонно, за исключением перекрытия значительного пространства деревьями, которые должны были показать особенность расположения страны вятичей. Под 981 г. летопись сообщает о повторном подчинении вятичей, на этот раз киевским князем Владимиром Святославичем: «В сем же лете и вятичи победи, и възложи на нь дань от плуга, якоже отець имаше»¹⁴ [Пуцко, с. 47]. Иллюстрирующая текст миниатюра (Л. 46) повторяет предыдущие, только деревья решены в несколько иной художественной манере. Что важно, так это изменившееся содержание дани (ранее — нечто в коробе, теперь — гривны).

В результате завоевания вынуждены выполнять даннические обязательства и расположенные на периферии Древней Руси народы. Так, под 1130 г. в летописи рассказывается об отправке киевским князем Мстиславом Владимировичем своих сыновей на чудь, «и взяша и, и дань на них възложиша»¹⁵. На расположенной ниже миниатюре (Л. 164) изображен один из сыновей киевского князя, сидящий на «столице» и принимающий дань от представителей финно-угорского народа чудь. В свое время было обращено внимание на реалистичность изображения этой финской «народности». Три фигуры отличаются небольшим ростом, кажутся приземистыми, оригинальны их головные уборы («нечто вроде капора») и одежда в целом (изготовлена из меха или мехом подбита) [Сизов, с. 25–26]. На особенность мест проживания чуди указывают деревья на правой стороне миниатюры. Отличается своеобразием и характер приносимой дани — наряду с традиционной пушниной это и мелкое рогатое животное (баран?) [Арциховский, с. 25].

Типологически близок к рассмотренной группе миниатюр рисунок к недатированному введению (Л. 5). Данная миниатюра имеет подпись: «Розные языки дань дают Руси». Выше расположен перечень балтских и финно-угорских народов, находящихся в даннической зависимости от Руси (видимо, на момент создания Повести временных лет). В целом композицию миниатюры на Л. 5 следует отнести к шаблонным. Принципиальным отличием является присутствие за спиной князя воина (в доспехах, со щитом в левой руке, с непокрытой головой). Д. С. Лихачев предположил, что это молодой безбородый писец, записывающий дань на листе [Лихачев, 1979, с. 32]. Представляется, что предпочтительнее видеть в этой фигуре не писца (в левой руке — не лист пергамента, а вполне определенно щит; такой же мы видим, например, на Л. 73 внизу), а представителя дружины. В данном случае имеет место указание на роль дружинной организации в сборе налогов-дани. Именно представителям младшей дружины поручался сбор дани с подвластного населения и с периферийных племен [Темушев, 2012б].

Внимание исследователей было обращено еще на одну миниатюру, которую условно можно отнести к начальному этапу формирования налогово-даннической системы Древней Руси (на Л. 7 об. с подписью «Дают дань поляне козаром от дыма...»). Миниатюра на Л. 7 об., иллюстрирующая легенду о выплате полянами дани хазарам мечами, примечательна тем, что показывает развитие сюжета в динамике. На левой половине представлен совет полян («здумавши же поляне»)¹⁶, а на правой мы видим, как хазары принесли своему князю и старейшинам (на рисунке изображен правитель на «столице» и еще одна фигура, видимо, хазарского старейшины) дань полян — меч. По мнению А. В. Арциховского, меч представляет тип, характерный именно для IX в. [Арциховский, с. 14], что подтверждает древность миниатюры в целом. На рассматриваемой

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 40.

¹⁵ Там же. С. 107.

¹⁶ Там же. С. 15.

миниатюре весьма показательны позы и жесты фигур, обращающихся к князю (полян — к своему старейшине, хазар — к князю-кагану). В них нет характерных для других рисунков, иллюстрирующих даннические отношения, унижения и покорности — спины выпрямлены, жесты более широкие, свободные. Представляется, что общая идея легенды — переход господства над хазарами и «иными странами» к самим полянам — предопределила выбор тех композиций, в которых отсутствует демонстрация подчинения полян кому бы то ни было.

Таким образом, в миниатюрах Радзивиловской летописи довольно полно представлен важнейший путь формирования даннической зависимости вследствие завоевания. Другой путь — трансформация добровольных приношений, даров, в том числе и оговоренных в особом договоре-«ряде» [Янин, с. 13] — почти не представлен в иллюстративном материале. Что касается даров-подношений населения князю, то данный сюжет отражен только в одной миниатюре на Л. 199 об. Это изображение весьма примечательно тем, что значительно расширяет информацию летописного текста («Тогда же пришедше новгородци ко Гургеви, пояша у него сына Мстислава себе князя») ¹⁷. Текст сообщает только о приглашении новгородцами на княжение Мстислава Юрьевича под 1154 г., миниатюра же показывает развернутый сюжет представления князю посадником (?) иностранного посла или купца и подношения князю даров. На то, что это именно дары, а не дань, указывают более непринужденные позы дарителей и само содержание подношений — это некий сосуд и ритуальное полотенце.

Между тем ситуация приношения даров неоднократно демонстрировалась художником на страницах Радзивиловской летописи в связи с обстоятельствами русско-византийских отношений. В миниатюрах нашло отражение приношение даров греками Олегу (Л. 15 об. верх; текст под 907 г.) ¹⁸, Игорю (Л. 23 низ; текст под 944 г.) ¹⁹, Ольге (Л. 32; текст под 955 г.) ²⁰, Святославу (Л. 38, 38 об. — верх и низ, 39; текст под 971 г.) ²¹. На миниатюрах этой группы позы приносящих дары в большинстве случаев (есть исключения) не демонстрируют унижение и покорность (спины выпрямлены, жесты свободны). Отличительной особенностью также является своеобразие платьев, головных уборов греков и приносимых ими даров (отчасти напомним В. И. Сизову немецкие образцы) [Сизов, с. 22]. Особенно явным своеобразием отличается одежда греков на миниатюрах Л. 15 об. и 32, показательны здесь и «свободные» позы и жесты приносящих дары. Контрастом по отношению к этим миниатюрам выглядит изображение (Л. 34 об. низ) приношения греками дани-контрибуции Святославу (текст под 967 г.: «и одоле Святославъ болгары, и взя городовъ по Дунаю 80, и седе княжа ту в Переяславци, емля дань на грецехъ») ²². Здесь мы видим тот же шаблон, который применялся для демонстрации даннической зависимости на миниатюрах, показывающих подчинение киевским князьям славянских «племен»: те же позы унижения и покорности, отсутствуют даже черты своеобразия во внешнем виде греков, хотя в облике князя Святослава присутствуют явные индивидуальные черты. Относительно содержания приносимых греками даров мы видим принципиальное отличие от даннических выплат внутреннего характера: никогда не встречаются меха, редко гривны (Л. 32), в основном это драгоценные сосуды (как исключение — меч, что связано с приведенной в летописи легендой о подношении греками Святославу оружия). В целом же, хотя художник и отличает дань, переходящую в регулярный налог, и дань-контрибуцию от дара, все же в общей композиции можно обнаружить значительное сходство. На всех рассмотренных миниатюрах одинаково изображена принимаящая дани и дары сторона: это персонифицированная власть, показанная правителем,

¹⁷ Там же. С. 127.

¹⁸ Там же. С. 20.

¹⁹ Там же. С. 25.

²⁰ Там же. С. 31.

²¹ Там же. С. 36.

²² Там же. С. 33.

восседающим на столе-престоле; напротив (слева или справа) располагается дающая сторона, представленная всегда стоящими фигурами (как правило, в позе смирения, покорности). В этом отношении весьма показательна одна из миниатюр, иллюстрирующая события междоусобицы 1096 г.: Олег Святославич захватил Муромскую и Ростовскую земли, «и посажа посадники по городомъ, и дани поча брати»²³. При этом миниатюра (Л. 136) в подробностях повторяет привычный шаблон: дань приносится именно князю, сидящему на «столице».

Среди миниатюр Радзивиловской летописи все же удалось обнаружить одно изображение, на котором в ситуации выплаты дани-контрибуции показаны как равные сторона принимающая и сторона дающая. На миниатюре Л. 174 об. проиллюстрирован эпизод междоусобной войны между киевским князем Всеволодом Ольговичем и Владимирком Володаревичем Галицким (под 1144 г.). Галицкий князь вынужден был признать превосходство киевского правителя и выплатить контрибуцию в 1200 гривен серебром²⁴. На миниатюре мы видим двух князей, сидящих на престолах напротив друг друга; рядом с киевским князем изображен стол, на котором разложены гривны. Художник в соответствии с привычным шаблоном изобразил равных по статусу лиц, но все же одна из сторон выплачивает контрибуцию, ее нужно было как-то обозначить. Поэтому за спиной галицкого князя художник поместил фигуру в традиционной позе покорности с соответствующим жестом (руки полусогнуты в локтях).

Особого рассмотрения требует проблема содержания даннических выплат. О. И. Подобедова утверждала, что миниатюры донесли до нас представления о сущности «социально-исторических отношений», при этом в них, среди прочего, оказались запечатленными сведения о размере дани [Подобедова, 1961, с. 28]. В оценке размера дани, конечно, летописные миниатюры не могут помочь исследователю, однако в некоторой степени они могут дополнить информацию письменных источников о содержании дани. Нужно согласиться, что язык миниатюр требовал некоторой формализации и стабильности «знаковой системы» [Лихачев, 1979, с. 33]. Однако не во всех случаях, как считал Д. С. Лихачев, дань на миниатюрах была представлена только мехами, которые выступали в качестве условного обозначения уплаты дани. Действительно, если при иллюстрировании подношения даров обнаруживается значительное разнообразие предметов дара (почти нет повторений в рисунках), то внутренняя дань в большинстве случаев обозначается именно мехами (Л. 5, 8, 20 об., 136, 164). Но кроме меха в качестве дани на миниатюрах изображены: горшочек (дважды — на Л. 8 и 11 об. верх, в первом случае наряду с мехами), сосуд в виде потира (Л. 11 об. низ), короб (дважды — вместе с сосудом на Л. 11 об. низ и на Л. 34 об. верх), гривны новгородского типа (Л. 46), гривны киевского типа (Л. 174 об.) и баран (наряду с мехами — Л. 164). Отметим, что горшочек и короб сами по себе не являются данью — это емкость для чего-то, вполне вероятно, для монет. Именно это предположили комментаторы миниатюр Радзивиловской летописи [Кукушкина, Белоброва, Амосов, Сергеева, с. 305]. Возможно также, что горшочки должны были указывать на мед, а коробки — на ткани. Кроме того, художник мог изобразить горшочки или коробки, не зная или не понимая, в чем конкретно заключалась выплата дани. При этом в ряде случаев содержание дани прямо указано в тексте (например, в тексте дань «по беле и девеци», а на миниатюре — меха и горшочек; в тексте дань «по черне куне», а в руках данника — горшочек). Можно предположить, что в данном случае художник (несомненно, начала XIII в.) знал, что под «белыми веверицами» и «черными куницами» на самом деле подразумевается их денежный эквивалент, поэтому и изобразил горшочки, в которых находились монеты (для раннего периода — это арабские дирхемы). Такой вывод был бы очень ценен для характеристики начального этапа становления налогово-даннической системы Древней Руси, но он требует дополнительных

²³ Там же. С. 94.

²⁴ Там же. С. 112.

аргументов. Как бы то ни было, необходимо учитывать, что чаще всего в отображении ранней восточнославянской истории в миниатюрах проявляется взгляд современника событий второй половины XII — начала XIII в. Это совершенно справедливо для иллюстрации функционирования налогово-даннической системы Древней Руси, особенно ее раннего этапа. Художник не знает не только точного содержания выплачиваемой дани (в денежном или натуральном виде), но и способа сбора дани (специальными лицами — представителями княжеской администрации, в ходе полюдья или в специальные пункты — погосты).

Тем не менее в миниатюрах нашли отражение несомненные реалии, если не начального этапа, то, по крайней мере, первых веков существования Древнерусского государства. На выплату дани гривнами обратил внимание А. В. Арциховский, отметивший, что поскольку для XV в. денежные гривны были уже явлением «археологическим», то их точное отображение на миниатюрах оказывается еще одним доказательством давности создания оригиналов рисунков [Арциховский, с. 14]. Соответствует реалиям домонгольского периода древнерусской истории и выплата дани мехами. Дань подвластного населения Восточной Европы мехами для периода IX—X в. хорошо прослеживается по данным источников [Темушев, 2010]. Кроме сообщений русских летописей, можно отметить свидетельство компетентного автора, непосредственного очевидца описываемых явлений — арабского путешественника Ибн Фадлана. В 922 г. он побывал в Волжской Булгарии, о правителе которой записал следующее: «На царе славян (лежит) дань, которую он платит царю хазар, от каждого дома в его государстве — шкуру соболя»²⁵. Сами шкурки пушных животных (куниц) и способ их связки (в так называемый «круглый бунт») [Арциховский, с. 25] довольно точно отображены на миниатюрах.

В целом изучение миниатюр Радзивилловской летописи позволило прийти к следующим выводам:

1) В Радзивилловской летописи применительно к домонгольскому периоду истории Древней Руси содержится 18 миниатюр (из 618), непосредственно отражающих функционирование налогово-даннической системы. Обращает на себя внимание близость и даже тождественность изображений в летописи подношения даров, принятия дани-контрибуции и взимания налогов-дани. Во всех случаях на миниатюрах присутствует характерная композиция (князь на столе-престоле, пришедшие к нему люди в позах покорности и смирения).

2) В миниатюрах Радзивилловской летописи нашел довольно полное отражение первоначальный этап складывания налогово-даннической системы Древней Руси. Обнаруживаются оба пути зарождения государственного фиска — от добровольных даров-подношений и через эволюцию дани-контрибуции [Темушев, 2012а]. На примере ряда миниатюр вполне обстоятельно реконструируются события первоначального «окняжения» территории отдельных союзов племен (например, на Л. 20 об. представлена сложносоставная миниатюра, в динамике показывающая покорение киевским князем древлян, сидящих в своем городе, а затем приношение древлянами дани князю, сидящему в другом городе, видимо, в столице — Киеве). Зафиксированный применительно к раннему этапу восточнославянского политогенеза образ князя, при обязательном присутствии которого осуществляется сбор дани, стал своеобразным клише для всех последующих примеров налогово-даннических отношений, проиллюстрированных в Радзивилловской летописи. Однако восходящие к началу XIII в. миниатюры не могли адекватно отразить начальный этап складывания налогово-даннической системы Древней Руси.

3) В полной мере подтверждается сделанное Д. С. Лихачевым наблюдение, что в летописных миниатюрах «события чаще живописно “назывались”, чем описывались, поэтому они могли быть переданы более или менее условно одинаковыми приемами» [Лихачев, 1979, с. 28]. Взимание дани-налогов показывается почти во всех случаях однотипно: изображение

²⁵ Путешествие Ибн-Фадлана на Волгу / Перевод и комментарии А. П. Ковалевского; Под ред. И. Ю. Крачковского. М.; Л., 1939. С. 78.

фигур и поз принимающей и приносящей дани-налоги (дары) сторон передается одинаково, может меняться только «интерьер» и содержание приносимой дани. В некоторых случаях выбранный стереотипный прием передачи функционирования налогово-даннической системы в Радзивилловской летописи не соответствует тексту (Л. 11 об. — дань «черными кунами», Л. 34 об. — дань вятичей, Л. 136 — сбор дани посадниками). В целом рассматриваемая композиция служит для демонстрации подчинения, понимаемой именно в выплате дани.

4) Изучение миниатюр, как представляется, позволяет прояснить темное место в тексте летописи о взимании варягами дани с «северной конфедерации племен» «по беле и девеци от дыма». В данном случае присутствует явное искажение летописного выражения «по белеи веверице», читаемого в других списках Повести временных лет. Появление этого искажения непосредственно связано с обратным воздействием миниатюры на летописный текст (а не наоборот, как предполагал М. И. Артамонов). Помещенное в начале датированной части летописи изображение приношения дани варягам (Л. 8 об.) стандартно для показа аналогичных явлений, но позднейший переписчик увидел женщин в фигурах представителей «племен», приносящих дань. Так непонятное переписчику конца XV в. выражение «по белеи веверице» было переосмыслено в сложносоставное содержание выплачиваемой дани — «по беле и девеци». В других летописных списках такое прочтение не встречается, как и не соответствует историческим реалиям выплата дани людьми.

5) Миниатюры не дают возможности сколько-нибудь точно определить содержание выплачиваемой дани или собираемых налогов (понятия смешиваются), хотя и позволяют прояснить некоторые остающиеся непонятными места в тексте летописи. Вполне ожидаемо наиболее частым (это становится своеобразным клише) является приношение дани в виде шкурок пушных животных (меха) (Л. 5, 8, 20 об., 136, 164). Но, что показательно, иллюстрирующая текст выплаты дани по «черне куне» миниатюра (Л. 11 об.) не содержит стандартной связки меховых шкурок. Интерпретаторы данной миниатюры усмотрели в подношениях древлян князю Олегу монеты [Кукушкина, Белоброва, Амосов, Сергеева, с. 305] (при этом на иллюстрации отчетливо изображен глиняный горшок). В этой связи представляется, что миниатюра дает свидетельство сделанного ранее вывода [Темушев, 2011] о выплате восточнославянскими союзами племен дани денежным эквивалентом меховых шкурок. Важно, что в некоторых случаях изограф не мог указать конкретное содержание дани, изображая на своих миниатюрах таинственный короб (Л. 11 об., 34 об., 39). Тем более миниатюры не позволяют делать какие-либо выводы о размере дани, как считала О. И. Подобедова [Подобедова, 1961, с. 28].

6) Обращает на себя внимание важная особенность миниатюр, отражающих функционирование налогово-даннической системы домонгольской Руси, присутствующая на всех без исключения изображениях. На всех отобранных миниатюрах дань подчиненные «племена» непременно приносят князю, даже если это прямо противоречит тексту (Л. 136: «посадники по городом дани поча брати»). Таким образом, в представлении и составителя текста летописи, и изографа князь является единственным возможным адресатом дани [Темушев, 2012б].

7) Все же не следует преувеличивать значение миниатюр для реконструкции древнейшего этапа функционирования налогово-даннических отношений в Древней Руси. Созданные в начале XIII в. (и скопированные или творчески переработанные в конце XV в.) миниатюры отражали реалии своего времени. Так, средневековый художник не знает полюдья или сбора дани в погосты. Подчиненные «племена» в знак покорности сами приносят дань князю, сидящему, как правило, в своем стольном городе.

Литература

- Артамонов М. И. Миниатюры Кенигсбергского списка летописи // Известия Государственной академии истории материальной культуры. 1931. Т. X. Вып. 1. С. 1–28.
- Арциховский А. В. Древнерусские миниатюры как исторический источник. М., 1944.
- Капитанов С. М. Возникновение дани в Древней Руси // От Древней Руси к России нового времени: Сб. ст. к 70-летию А. Л. Хорошкевич. М., 2003. С. 57–71.
- Кондаков Н. П. Заметка о миниатюрах Кенигсбергского списка начальной летописи // Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902. Т. II. Статьи о тексте и миниатюрах рукописи. С. 115–127.
- Кукушкина М. В. К вопросу о месте происхождения Радзивилловской летописи в списке XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. L. С. 374–383.
- Кукушкина М. В., Белоброва О. А., Амосов А. А., Сергеева И. Н. Описание миниатюр Радзивилловской летописи // Радзивилловская летопись. Текст. Исследование. Описание миниатюр. СПб.; М., 1994. С. 304–397.
- Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы. М., 1979.
- Лихачев Д. С. Текстология (на материале русской литературы X–XVII вв.). СПб., 2001.
- Лихачев Н. П. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1.
- Мартынюк А. В. Русь и Золотая Орда в миниатюрах Лицевого летописного свода // Российские и славянские исследования: сб. науч. статей. Минск, 2004. Вып. 1. С. 61–70.
- Мартынюк А. В. Правители Великого княжества Литовского в миниатюрах Лицевого летописного свода XVI века // Верховная власть, элита и общество в России XIV – первой половины XIX века. Вторая международная научная конференция. Тезисы докладов. М., 2009. С. 98–100.
- Мартынюк А. В. Миниатюра «Убийство Миндовга»: источник и интерпретация // Навагрудчына ў гістарычна-культурнай спадчыне Еўропы (да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы). Мінск, 2010. С. 106–109.
- Милютенко Н. И. Владимирский великокняжеский свод 1205 г. // ТОДРЛ. СПб., 1996. Т. L. С. 36–58.
- Никитин А. Л. О Радзивилловской летописи // Герменевтика древнерусской литературы. М., 2004. Вып. 11. С. 526–557.
- Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. Из истории русского лицевого летописания XIII–XVI веков. АДД. М., 1961.
- Подобедова О. И. Миниатюры русских исторических рукописей. К истории русского лицевого летописания. М., 1965.
- Пуцко В. Г. Княжение Владимира Великого по миниатюрам Радзивилловской летописи // ТОДРЛ. СПб., 2004. Т. LV. С. 45–57.
- Рогов А. И. Александр Невский и борьба русского народа с немецкой феодальной агрессией в древнерусской письменности и искусстве // «Дранг нах остен» и историческое развитие стран Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы. М., 1967. С. 32–58.
- Рыбаков Б. А. Борьба за суздальское наследство в 1174–1176 гг. (по материалам Радзивилловской летописи) // Средневековая Русь. М., 1976. С. 89–101.
- Рыбаков Б. А. Из истории культуры Древней Руси. Исследования и заметки. М., 1984.
- Рыбаков Б. А. Миниатюры Радзивилловской летописи и русские лицевые рукописи X–XII веков // Радзивилловская летопись. Текст. Исследование. Описание миниатюр. СПб.; М., 1994. С. 280–301.
- Сапунов Б. В. Миниатюры Радзивилловской летописи о походе Игоря на половцев // Книга в России XVI – середины XIX в. Материалы и исследования. Л., 1990. С. 11–27.
- Свердлов М. Б. Из истории системы налогообложения в Древней Руси // Восточная Европа в древности и средневековье. М., 1978. С. 144–150.
- Сизов В. И. Миниатюры Кенигсбергской летописи (Археологический этюд) // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук. 1905 г. 1905. Т. X. Кн. 1. С. 1–50.
- Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1975. Вып. 1 (А–Б).
- Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. СПб., 1893. Т. I.
- Темушев С. Н. Налогово-данническая система древнерусского государства: современное понимание проблемы // Российские и славянские исследования: науч. сб. Минск, 2007. Вып. 2. С. 106–112.

Темушев С. Н. Опыт прочтения летописного известия о дани восточных славя хазарам // Працы гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Мінск, 2010. Вып. 5. С. 324–332.

Темушев С. Н. «Белая веверица от дыма»: к вопросу о предыстории формирования налогово-даннических отношений в Древней Руси // Веснік БДУ. Серыя 3. 2011. № 1. С. 21–26.

Темушев С. Н. Начальный этап складывания налогово-даннической системы Древнерусского государства // Древняя Русь и средневековая Европа: возникновение государств. М., 2012. С. 274–280. (Темушев, 2012а)

Темушев С. Н. Осуществление функции сбора налогов-дани в домонгольской Руси: круг должностных лиц государственного фиска // Studia Historica Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. Минск, 2012. Вып. 4. С. 9–46. (Темушев, 2012б)

Толочко А. П. Прорисовки зверей к миниатюрам Радзивилловской летописи и проблема происхождения рукописи // Ruthenica: [Збірник наукових праць]. 2005. Т. IV. С. 62–84.

Толочко А. П. «Не преступити предела братня» (об источниках миниатюр Радзивилловской летописи) // Ruthenica: [Збірник наукових праць]. 2014. Т. XII. С. 67–81.

Чернецов А. В. К изучению Радзивилловской летописи // ТОДРЛ. Л., 1981. Т. XXXVI. С. 274–288.

Черный В. Д. Русская средневековая книжная миниатюра: Направления, проблемы и методы изучения. М., 2004.

Шахматов А. А. Исследование о Радзивилловской, или Кенигсбергской летописи // Радзивилловская, или Кенигсбергская летопись. СПб., 1902. Т. II. Статьи о тексте и миниатюрах рукописи. С. 18–114.

Янин В. Л. Средневековый Новгород: Очерки археологии и истории. М., 2004.

Рис. 1. «Языцы дань дают» (л. 5)

Рис. 2. Дань по беле (л. 8)

Рис. 3. Дань по черне куне (л. 11 об.)

Рис. 4. Игорь победиша дrevлян (л. 20 об.)

Рис. 5. Дань вятичей хазарам (л. 34)

Рис. 6. Дань вятичей (л. 46)

Рис. 7. Дань с чуди (л. 164)

Рис. 8. Конtribusiя гривнами (л. 174 об.)